

Н. С. ДУШАКОВА
(Кишинев)

ЖИЛОЕ ПРОСТРАНСТВО В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТАРООБРЯДЦЕВ ПРУТО- ДНЕСТРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ И НИЖНЕГО ПРИДУНАВЬЯ

Аннотация. В статье рассматриваются народные представления об оберегах жилого пространства, чистоте жилища и свойствах маргинального пространства, распространенные в старообрядческой среде Пруто-Днестровского междуречья и Нижнего Придунавья.

Ключевые слова: жилище, оберег, граница, чистота.

В современной этнологии одним из самых актуальных направлений является проблематика очерчивания границ и конструирования этнокультурного пространства. В этом контексте старообрядческая культура вызывает особый интерес научного мира, поскольку для нее в течение длительного времени было характерно сохранение традиционной культуры при избирательном усвоении инноваций и активных внешнеэкономических связях. Более того, именно жизнь в двух культурных кодах — традиционном и современном — является основой высокой адаптируемости старообрядцев к новой среде [Поздеева 2012, 124—125].

Однако в условиях урбанизации и модернизации общество сталкивается с новыми вызовами, ответы на которые всё труднее находить в рамках устоявшихся традиций. Внедряются инновации, в селе распространяется городская культура, нивелируя при этом традиционную сельскую культуру. В результате, даже особенности старообрядческой культуры заметно

стираются. Вместе с тем, как показывают полевые исследования, эти процессы затрагивают в первую очередь материальную культуру. Традиционная духовная культура подвержена им в меньшей степени.

По мнению Я. В. Чеснова, отношение к пространству является составной частью этнического образа [Чеснов 1991, 71—75]. Под влиянием исторических событий у старообрядцев сформировалось совершенно особое отношение к своему, защищенному, безопасному пространству, воплощением которого в первую очередь является жилище. В восприятии жилого пространства русскими-старообрядцами проявляется не только этническая, но и конфессиональная сторона народных представлений.

Источниками для данной статьи стали полевые материалы, собранные автором в 2008—2012 гг. в старообрядческих селах Республики Молдова (села Кунича, Покровка, Егоровка и Старая Добруджа), южной Украины (села Новая и Старая Некрасовка, Приморское (Жебрияны)) и Румынии (села Сарикей, Черкесская Слава и Журиловка), а также в городах со старообрядческим населением: Кишиневе (Республика Молдова), Тирасполе (Приднестровье), Вилково (Украина) и Тулча (Румыния).

В ходе сбора полевых материалов были зафиксированы различные поверья, запреты и сюжетные повествования, связанные с жилым пространством старообрядцев. В них содержится информация о народных представлениях, которые можно условно разделить на три группы:

1. Представления об оберегах дома и предметах, несущих сакральную нагрузку.

2. Представления об особых свойствах пограничного пространства.

3. Представления о чистоте жилого пространства.

Представления об оберегах (апотропеях) и сакральных предметах. В научный язык слово «оберег» пришло из севернорусских диалектов, «оно обозначает группу магических профилактических средств — как словесных, так

и предметных, предназначенных для защиты от опасности» [Левкиевская 2002, 12].

Поскольку основу мировоззрения старовера формируют его религиозные представления, его вера, апотропеи жилого пространства либо являются христианскими, либо народом наделяются христианскими чертами.

Основным предметным оберегом жилища, по словам многочисленных респондентов, у старообрядцев выступают **иконы**, которые сопровождают всю домашнюю жизнь староверов. До сих пор среди старообрядцев бытует обычай вешать небольшую иконку или крест над входной дверью. Так хозяйва, по словам старожилов, *«оберегают себя и свою усадьбу от недоброго»* или *«от нечистой силы»*. В обследованных поселениях иконы можно увидеть не только в доме, но и в других частях усадьбы, в хозяйственных помещениях и помещениях для содержания домашних животных. Самые дорогие иконы располагают на божницах или иконостасах в доме, в хозяйственных помещениях чаще всего ставят маленькие иконки или крестики: *«Самый лучший оберег — икона с крестиком в каждой комнате. В коровник мы тоже крестик ставили “на удачу”»* (Зап. от Евдокии Селиверстовны Колодеевой, 1960 г. р., с. Новая Некрасовка, Измаильский р-н, Одесская обл., Украина. 2009 г.) [ПМА].

По народным представлениям, защитная сила иконы настолько велика, что с ее помощью можно спастись от пожара. В селе Егоровка (Республика Молдова) местные жители нередко вспоминают о том, как им удалось потушить пожар, «остановить огонь», в их селе с помощью иконы Пресвятой Богородицы.

В старообрядческой среде икона традиционно была первым предметом, который вносили в новый дом. Этот обычай сохранился и до настоящего времени. Абсолютно все респонденты отмечали защитную функцию именно старообрядческих икон. Объяснение этому можно найти еще у известного русского историка Н. И. Костомарова:

«По всеобщему верованию, благодать не пребывает над тем образом, который писан человеком не православной веры» [Костомаров 2008, 259], следовательно, для старообрядцев — «человеком не православной веры» в ее донионовском варианте.

По рассказам старожилов обследованных сел, в первый раз молодожены входят в дом с родителями и вносят икону (отец с матерью ведут молодых с иконой). По обычаю заносят ту икону, которой родители благословили их во время свадьбы: мать благословляет молодую жену иконой Богородицы, а отец чаще всего дарит молодому мужу икону святого Николы. Эти две иконы остаются основными иконами в новом доме. Даже сегодня практически нельзя встретить ни одного старообрядческого жилища без иконы Богородицы и Николы. По представлениям старообрядцев, если войти в дом с иконой, Бог будет всегда охранять и защищать это жилище, подарит счастье семье в новом доме.

При этом важно отметить, что при переходе на новое место жительства у старообрядцев до сегодняшнего дня принято оставлять хотя бы одну маленькую иконку на старом месте. По словам респондентов, считается, что эта *«иконка принадлежит той хате. Она тогда там остается, нельзя брать. Вещи все забирают, а иконка оставляется»* (Зап. от Евдокии Михайловны Семеновой, 1943 г. р., с. Сарикей, уезд Тулча, Румыния. 2011 г.) [ПМА]. Ю. Е. Горбунов и Б. Г. Херсонский приводят очень показательный пример особого отношения к некоторым домашним иконам: «В одной старообрядческой семье в Анновке, Тарутинского района, старушка-хозяйка с трепетом показала нам образок Николы, который уже несколько поколений считают истинным хозяином, покровителем и защитником дома. Со времени основания (самое начало двадцатого века) дом не раз сменял владельцев, но снять со стены и унести Николу — “хозяина дома” не решился ни один. Благополучие жилища в представлении обосновавшегося здесь семейства

напрямую связывалось с этим скромным образком, почти столетие оберегающим свои “владения”» [Горбунов, Херсонский 2000, 104—105].

Перед иконами совершались магические ритуалы, направленные на лечение: *«Бабушка одна у нас была, умела заговаривать (чтоб болезнь уходила). Она заводила меня в переднюю хату и перед иконами что-то там водила, шептала. Лицом к иконе становлюсь, я крестюсь за ней следом»* (Зап. от Любови Степановны Батуриной, 1953 г. р., г. Тирасполь, Приднестровье. 2010 г.) [ПМА].

Помимо икон, в каждом старообрядческом жилище хранится целый ряд сакральных предметов. Среди них восьмиконечные (старообрядческие) кресты, духовные книги, лестовки (старообрядческие четки для подсчета молитв) и подручники. Наряду со старообрядческими иконами, они одновременно являются символами как старой веры, так и традиционной культуры, составляя базовую символическую среду старообрядцев. О. М. Фишман называет эти предметы *материализованными этноконфессиональными символами*, которые, усваиваясь с детства, со временем способствуют консолидации старообрядческой общности [Фишман 2003, 201].

По словам респондентов, силой оберега в старообрядческом жилище наделяются *молитвы*, которые выступают словесными апотропеями жилого пространства:

«Бывает, если неприятности, что-то беспокоит, думаешь, что это тут в доме нечистый ходит, нужно молитву сотворить — она от всего уберегет» (Зап. от Ульяны Никитичны Дмитриевой, 1942 г. р., с. Сарикей, уезд Тулча, Румыния. 2011 г.) [ПМА].

«Слышат люди ночью стук — это домовый. <...> От домовых молитвой спасали» (Зап. от Лидии Нифонтовны Черновой, 1940 г. р., с. Новая Некрасовка, Измаильский р-н, Одесская обл., Украина. 2009 г.) [ПМА].

Эти представления нашли свое отражение в целом ряде пословиц: «Дело не спорится — углам помолиться», «С Богом хоть за море (без Бога ни до по-

рога)», «Без Бога ни до порога» (наиболее распространенная пословица в старообрядческой среде обследованных поселений), «Коли Господь не построит дома, и человек не построит», «Бог на стене, хлеб на столе». Что касается последней пословицы, то в ней речь идет об иконе на стене: раньше иконы называли также *богами* [Русские простонародные праздники 1837, 18].

Во многих обследованных поселениях важным оберегом домашнего пространства является список апокрифа *«Сон Богородицы»*. Е. Е. Левкиевская назвала такой оберег функциональным, он приобрел свою силу благодаря высокому сакральному статусу [Левкиевская 2002, 9]. Старожилы убеждены в том, что его надо хранить в доме, чтобы он оберегал семью от различных несчастий и помогал в добрых начинаниях. На сегодняшний день «Сон Богородицы» хранится во многих домах старообрядцев Румынии (в селах Черкесская Слава, Журиловка, Сарикей), где наблюдается более высокая степень сохранности традиционной старообрядческой культуры. Многие старожилы даже помнят его наизусть. Респонденты из Украины и Республики Молдова отмечали, что раньше (приблизительно до середины XX в.) «Сон Богородицы» хранился в каждом доме, со временем данная традиция утратилась.

Текст апокрифа — см. фото (фото сделано в с. Черкесская Слава)

В обследованных поселениях силой оберега наделяется также *освященная в церкви верба*. По словам старожил, она оберегает дом от грома и молний, от пожара и нечистой силы. Чаше всего ветки вербы ставят на божницу.

Кроме христианских оберегов, старообрядцы используют и языческие по своей природе апотропеи. Однако важно подчеркнуть, что в народном мировоззрении они включаются в христианский мир.

Так, например, апотропеическим действием является *обсыпание маком границ усадьбы*:

«Мы намостили и построились трошки. А потом я святой мак (посвятила три раза, когда паску светят) на всё свое

СОНЪ ПРЪТЯ БЦЯ
 Почивала еси прѣта во стѣ
 граде иеросалиме и приде кибѣ
 гдѣ нашъ исъ хрѣстѣ, и рече еи мѣтѣ
 моя возлюблена прѣта бца,
 Почиваешии: и рече прѣта бца,
 стѣ мой возлюбленный и единород
 ныи, видѣла я сонъ велии страшны
 и ужасны, видѣла петра вримѣ
 а павла елмассѣ, а тебе
 истиннаго каа бѣа моего, во стѣ
 граде иеросалиме, поймава и
 связова безаконными жидовми.
 продали ты саннѣ твои хрѣ, и мѣтѣ
 нды, за тридесать сребренихъ
 продаша тебѣ етремизъ, и

придоша соудити еи и
 арекомѣ, и видѣша тебѣ ивиша
 не мѣтѣвно до кровель раны,
 и на главу твою стѣю
 возложиша терновъ енецъ
 и повсаоша тебѣ на горѣ
 голгофѣ, и повсаоша тебѣ
 ѣ понтийскому пилату и ге
 монѣ, и прощахъ еи
 распятиа на крѣ, и вси
 санногласно возопиша, возми
 возми растнѣ его, и возложи
 ша крѣ твою, на та, и понесе
 его на голгофѣ, на самое люб
 ное место, и поставиша крѣ
 на главу елмассѣ, и соста
 виша крѣ твою истре

аревъ с кедра, и пегра, и кеп
 риса, рѣце твой и ножд, конрѣ
 пригвоздиша, гвоздми иудскими,
 и вьсѣра твоа копѣ пробоаша,
 и авѣ иудѣ кровѣ, и вода, на
 спсение члчскому роу, и тогда
 бѣтъ тма, по всей земли, и
 бѣтъ стра, и оужасъ земля по
 ересе, и алато санѣ помере, и
 лухна въ кровь, приложиса, збѣзди
 с нѣсъ исплаша, и бѣтъ тма, по
 всей земли, ш шестого часа, и
 до девятаго, и тогда иуеифъ
 с никодимомѣ, и спрощиша оупилот
 снати тело хрѣтово со крѣ, снавши
 и плащенищю чѣтѣю шевитаню
 и вогробѣ закрѣише положивша

и третїи денъ вокрѣе и воз
 несѣса на нѣба, свѣликою
 славою и чѣтїю, и соше во ааз,
 и сломи врата меднаа, и сотре
 авѣри железнаа, и возва елмассѣ,
 и иже снимѣ, и рече гдѣ нашъ
 исъ хрѣстѣ, мѣтѣ моя волюбеля
 наа прѣстѣа, во истиннѣ сонъ
 твой прѣз илеломѣ, и иицѣме
 не, оше котрой члчз сей
 сонъ собою возметъ, ни змѣи
 его ни оуазва, ни гадове, ни
 волки, ни ити звери, ни
 прикоснутса смѣ, и нирас
 и котъ веровъ и от дѣбѣи
 и збавле бѣае, по граде ивссѣ
 ш все лѣби бѣае, и почѣтъ

иметь бѣае, и снабѣи всакою
 добротѣ телю на всако мѣсте в
 торрѣ и вьпродахъ счастья бѣае,
 оше котрой члчз поидѣ в свѣз
 и сей сонъ сокою воше, и прочѣ то
 бѣае его ни шевина, иже лези на
 него ниволочѣ, и свайи ивѣлможи
 мѣтѣи кнему бѣае, оше котрой
 члчз поидѣ в свѣз, и прочѣ то
 сонъ положи во главѣи своеи, и
 прочѣ то скоро и збавитса ш
 недѣта своего, оше члчз бѣае при
 смрти, и прочѣ сей сонъ и збав
 бѣае, ш мѣки вѣчныа, аминѣ

место около забора, около межи от соседа с моей стороны насыпала: “Кто этот святой мак до бубки соберет, тот и плохое сделает”. Обсыпала и всё» (Зап. от Натальи Ивановны Бабенко, 1930 г. р., г. Вилково, Одесская обл., Украина. 2011 г.) [ПМА].

«Чтобы в дом не вошел человек со злыми намерениями, вокруг усадьбы посыплют священным маком» (Зап. от Акулины Ивановны Денисовой, 1936 г. р., с. Новая Некрасовка, Измаильский р-н, Одесская обл., Украина. 2009 г.) [ПМА].

По словам Е. Е. Левкиевской, «обсыпать/обсеивать маком, просом, зерном вокруг охраняемого пространства — один из повсеместно распространенных способов создания магического круга для защиты от опасности. У восточных славян принято было обсеивать свой дом и хлев освященным маком или зерном, чтобы не допустить туда ходячего покойника, ведьму, колдуна и других мифологических персонажей» [Левкиевская 2002, 39—40]. Вообще, действиям, совершаемым вокруг дома, приписывался охранительный смысл [Славянские древности 1995, 118]. Но в нашем случае речь идет об использовании именно освященного мака, в чем проявляются христианские черты.

Как локальную практику можно рассматривать использование некоторыми старообрядцами г. Вилково в качестве оберега *древесины хвойного дерева*: «Есть доска такая, то ли ель, то ли сосна. Зять привез ту доску. Кусочки забила в ворота, в пороге. Иконы, наверно, на этой доске делали. Я иду: “Во имя отца и сына и Святаго духа! Аминь” и фортку открываю. И пошла, закрыла — опять: “Во имя отца и сына и Святаго духа! Аминь”» (Зап. от Натальи Ивановны Бабенко, 1930 г. р., г. Вилково, Одесская обл., Украина. 2011 г.) [ПМА]. Представления об использовании хвойных деревьев в качестве оберегов характерны для славян, хотя и не широко распространены [Левкиевская 2002, 78]. На наш взгляд, зафиксированная практика представляет собой яркий пример смешения христианских

и языческих представлений в народном религиозном мировоззрении: с одной стороны, воспроизводится архаический ритуал, а с другой — он сопровождается христианской молитвой. Более того, древесина наделяется особой силой еще и потому, что на деревянных досках писали иконы.

Широкое распространение среди старообрядцев получило использование в качестве оберега *подковы*. Ее чаще всего вешали на заднюю стену жилого дома или какого-то хозяйственного помещения концами вниз, как это традиционно делали в России. Иногда старообрядцы вешали подкову «на счастье» над входной дверью (в таком случае иконы и кресты размещали в доме) или закапывали под порог или под ворота. Особой же ценностью в народе наделялась подкова, найденная возле церкви. В Покровке нам удалось записать такую историю: «Вон у нас подкова висит! Брат мой поехал в город и возле церкви ее нашел. Потом ее поставил на наш дом, говорит: “На счастье, чтоб крепкие были, чтоб жизнь была”. Я с Добруджи (имеется в виду село Старая Добруджа — Н. Д.) приехала и сюда подкову привезла» (Зап. от Феодосьи Петровны Березовой, 1941 г. р., (урож. с. Старая Добруджа), с. Покровка, Дондюшанский р-н, Республика Молдова. 2011 г.) [ПМА].

Как свидетельствуют полевые материалы, у старообрядцев в системе оберегов жилого пространства до настоящего времени выделяются два основных компонента: христианский (иконы, кресты, молитвы) и магический (подковы, мак, верба, древесина хвойного дерева). Отметим, что они не противоречат друг другу, а, наоборот, выступают как взаимодополняющие: «Над дверью-входом подкову вешали “на счастье”. Ещё в доме ставят освященную вербу, она от всего оберегает. И икона обязательно» (Зап. от Евдокии Федоровны Матвеевой, 1952 г. р., с. Новая Некрасовка, Измаильский р-н, Одесская обл., Украина. 2009 г.) [ПМА]. Более того, магические обереги зачастую наделяются христианскими чертами (подковы, найденные у церкви; освященный мак; освященная

верба; древесина, на которой могли делать иконы).

Представления о пограничном пространстве. В традиционных представлениях граница ассоциируется с источником нестабильности и опасности, из-за чего строительство дома на пограничье представляется нежелательным. Это место символического перехода из одного мира в другой. В народе даже возникли пословицы на эту тему: «Близ границы не строй светлицы!», «Межи да грани — ссоры да брани».

Разновидностью «границы между “своим и чужим” пространством» является дорога [Славянские древности 1995, 124]. Представления о нежелательности строительства дома на дороге объясняются и тем, что жилище являет собой противоположность дороге, это «остановка на маршруте». Строительные обряды направлены на то, чтобы «оторвать жилище от дороги» [Чеснов 1998, 177—178]. Причем подобные представления распространены не только среди старообрядческого населения изучаемого региона, но и на всей территории России, на Украине, в Польше [Щепанская 2003, 29]. Дорога, как и межа, — это «нечистый локус». А в наибольшей степени «мифологическая семантика и ритуальные функции дороги <...> проявляются в местах скрещения двух или нескольких дорог», то есть на перекрестках [Славянские древности 1995, 124].

Сакральную нагрузку также несет *пограничное пространство* в жилище и усадебном комплексе — матица, порог, пространство около окон, дверей, ворот. Среди представителей многих этносов распространено представление о том, что пограничное пространство — это место обитания умерших предков, которых нельзя тревожить. Кроме того, переход границы между миром «своим» и «чужим» регламентируется определенным набором правил.

В подавляющем большинстве случаев люди, неукоснительно соблюдающие те или иные запреты, в том числе связанные с переходом символической границы, не знают об их происхождении и причинах, а также смутно представляют себе последствия их на-

рушения. Поскольку в мировоззрении носителей старообрядческой культуры важнейшую роль играют религиозные представления, для них нарушение запрета — это в первую очередь грех:

«А нам бабушки говорят чуть что, что так нельзя, так нельзя. А мы спрашиваем: “Почему?” А они: “Грех!” А почему той грех?» (Зап. от Ольги Агафоновны Никулай, 1962 г. р., с. Черкесская Слава, уезд Тулча, Румыния. 2011 г.) [ПМА].

«Через порог не передавайте ничего, это грех!» (Зап. от Акилины Федотовны Никулай, 1934 г. р., с. Черкесская Слава, уезд Тулча, Румыния. 2011 г.) [ПМА].

«Примета такая, что передавать нельзя через порог. Еще молиться нельзя через порог — грех» (Зап. от Ульяны Никитичны Дмитриевой, 1942 г. р., с. Сарикей, уезд Тулча, Румыния. 2011 г.) [ПМА].

С другой стороны, большинство запретов не находят объяснения у носителей народной культуры ввиду того, что люди в принципе не задумываются над очевидными для них правилами. Иллюстрацией может послужить ответ жителя Вилково: *«Через порог нельзя передавать — это как аксиома, которой не нужно доказательства. Так было — и всё!»* (Зап. от Юрия Ивановича Ярского, 1975 г. р., г. Вилково, Одесская обл., Украина. 2011 г.) [ПМА]. При этом некоторые респонденты во время интервью строили предположения относительно наказания за нарушение запрета здороваться, молиться, передавать что-либо через порог, через открытое окно или через ворота. Чаще всего они сводились к возможной смерти нарушителей запрета или жильцов дома:

«Знаю, что через порог нельзя передавать. Почему? Ну, наверно, умрёт кто-то» (Зап. от Евдокии Селиверстовны Колодеевой, 1960 г. р., с. Новая Некрасовка, Измаильский р-н, Одесская обл., Украина. 2009 г.) [ПМА].

Необходимостью особой регламентации пересечения символической границы объясняется и запрет выметать мусор со двора (или из дома) на ночь: *«На ночь, поздно вечером, со двора нель-*

зя было выметать. Оставляли в кучке, не выбрасывали. Или в хате подмели, оставляли мусор в углу возле плиты, возле печки. Веником прикрывали и оставляли» (Зап. от Любови Степановны Батуриной, 1953 г. р., г. Тирасполь, Приднестровье. 2010 г.) [ПМА]. С этим запретом соотносится и характерное для русской культуры предписание, ставшее поговоркой: «Не выноси сор из избы». Помимо переносного значения, которое хорошо известно (не стоит выносить семейные неурядицы на всеобщее обозрение), В. И. Даль указывает и на ее прямое значение. Оно заключается в установке не выметать и не выносить на улицу сор, поскольку его стало бы разносить ветром, и недобрый человек мог бы по нему наслать порчу. Кроме того, выметать через высокие пороги было довольно неудобно [Даль 1989, 8–9]. Принимая во внимание отношение к маргинальному пространству, можем дополнить данное В. И. Далем объяснение тем, что запрет сопряжен с нежелательностью лишний раз пересекать границу. А в зафиксированном нами среди старообрядцев запрете речь идет о пересечении границы в опасное, по народным представлениям, время.

По традиции у старообрядцев при переходе через символическую границу принято креститься. Наиболее верующие люди и в настоящее время крестятся каждый раз, когда перешагивают порог дома. Этот ритуал играл важную роль и при исполнении свадебных обрядов: когда жених и невеста шли из церкви домой, они крестились у ворот, перед входом в дом, на каждом пороге в доме.

Порог выполнял знаковую функцию и при совершении обряда крещения ребенка. Так, в придубнаком селе Мирное среди местного населения был зафиксирован такой обычай: «По приходе из церкви кум сначала клал ребенка на пороге комнаты на подушку и кожухи, которые перед этим готовила свекровь матери новорожденного. При этом кумовья говорили: “У вас взяли некрещеного, а вам принесли крещеного”» [Захарченко 2007, 85].

В некоторых из обследованных поселений распространена примета: «Птица в окно ударилась — быть несчастью (например, к смерти в доме)». На наш взгляд, ее следует рассматривать в том же контексте, что и запрет передавать что-либо через ворота, порог, окно, то есть как предостережение от нерегламентированного пересечения символической границы.

В пограничном локусе — на меже — видится возможным строительство бани, так называемого «нечистого места»: это единственное помещение во всем усадебном комплексе старообрядцев, где нет икон или креста, а перед тем, как зайти в баню, старообрядцы снимают нательный крест.

Нарушение порядка в пограничном пространстве в народе воспринимается как вредоносное магическое действие. Показательный пример был зафиксирован нами в Приднестровье: «Было такое поверье, что в тот день, когда корова отелилась, нельзя ничего никому давать. Три дня ничего нельзя давать. Были такие зловредные люди, что придет и с горюхи выломает кусочек палки и понесет. Это очень плохо, потому что могло пропасть молоко у коровы. Потом она выкинет эту палку, но главное — со двора унести» (Зап. от Любови Степановны Батуриной, 1953 г. р., г. Тирасполь, Приднестровье. 2010 г.) [ПМА].

Таким образом, представления об особых свойствах пограничного пространства находят отражение в целом ряде поверий и запретов, связанных с ними. Кроме того, во время исполнения важнейших обрядов жизненного цикла (крестины, свадьба, похороны) переходу символической границы, как и самой границе, всегда уделяется особое внимание.

Представления о «чистоте»/«нечистоте» («погани») в жилом пространстве. Для мировоззрения старообрядцев характерна тесная связь между представлениями о чистоте жилого пространства и чистоте веры. В материальном плане это выражается в «чистоте иконы» (неприменно старообрядческой), традиционном оформлении переднего угла. Свое жилище,

в которое заселялись только после внесения иконы и совершения обряда освящения дома, воспринималось «чистым». Отсюда и распространенный в старообрядческой среде вплоть до середины XX в. запрет впускать в дом невенчаных супругов.

В противовес освоенному жилому пространству, статус «нечистого» приписывался заброшенному, пустому дому.

Представления о «нечистоте» («погани») у старообрядцев напрямую связаны с представлениями о «чужом».

Для мировоззрения старообрядца характерно противоречие, уже отмечавшееся исследователями, в частности, Т. Дроновой: «Согласно христианскому правилу, считалось большим грехом закрыть дверь перед странником. При этом не оговаривалась конфессиональная или этническая принадлежность последнего. <...> В то же время строгие старообрядческие предписания категорически воспрещали общение с посторонними людьми» [Дронова 2001, 33—48]. Современным старообрядцам изучаемого региона по-прежнему свойственно такое парадоксальное отношение к «чужому».

Всё еще бытуют рассказы об отношении старообрядцев к представителям других конфессий. Наиболее часто в этих рассказах фигурируют воспоминания о том, что еще в начале XX в. старообрядцы не давали воды иноверцам, к которым относили всех нестарообрядцев: иначе кружка бы стала «поганой». В этом контексте показателен эпизод, зафиксированный В. Г. Короленко в очерке «Наши на Дунае». Он описывает случай, имевший место в Черкесской Славе, когда липованин предложил выпить встретившимся ему путникам:

«Он наливает себе стакан, говорит: “Господи благослови” и быстро опрокидывает в рот. Потом подносит Луке и Катриану. Они выпивают. Липован наливает по другому стакану.

— А сам? — спрашивает у него Лука, выпив после Катриана.

Липован смотрит с наивным сожалением и чешет в голове.

— Не догадался, вишь... Теперича нельзя мне: посудину вы опоганили. — Он кидает стакан в кусты и прибавляет простодушно:

— Ну, ничего! Для добрых людей не жалко» [Короленко 1953].

В настоящее время в каждом старообрядческом доме хранится так называемая «поганая посуда» — это отдельная посуда для хозяйственных нужд, для домашних животных, для использования в бане («нечистое место»):

«Боже избавь, чтобы в миске, в которой лежит картошка, бросить тряпку стирать! Она чистая, помытая, все равно! Бабушка, когда увидела у других ту же миску, что и в ванной, плюнула и сказала: “Поганство! Это поганство!” Здесь стоит посуда пищевая, а здесь — для других целей» (Зап. от Николая Абрамовича Кирсанова, 1948 г. р., г. Вилково, Одесская обл., Украина. 2011 г.) [ПМА].

«Наши старообрядцы за чистоту, погань чтобы отличалась: отдельная посуда для стирки и т. д. Чтобы вы знали, что чистое, а что поганое» (Зап. от Устины Пимоновны Гончаровой, 1931 г. р., г. Вилково, Одесская обл., Украина. 2011 г.) [ПМА].

«Даже если человек из этого же села курил, то о нем говорили: “Давайте ему из поганой чашки есть, чтобы он не ел из вашей!”» (Зап. от Александры Васильевны Донцовой, 1941 г. р., с. Кунича, Флорештский р-н, Республика Молдова. 2011 г. [ПМА]).

При этом существует способ очищения поганой посуды: *«Если окропить поганую посуду святой водой, то она становится нормальной, перестает быть поганой»* (Зап. от Семена Васильевича Придорожного, 1951 г. р., с. Кунича, Флорештский р-н, Республика Молдова. 2011 г.) [ПМА].

Современные старообрядцы демонстрируют негативное отношение к распространенному приблизительно до 1930-х гг. обычаю давать чужому (иноверцу, курящему) пить из поганой посуды. Нередко отрицается и бытование такой практики:

«Если внешние приходили, то старообрядцы воды из кружки не давали или

давали из той, что в бане. А ведь это неправильно!» (Зап. от Андрея Олимповича Денисова, 1929 г. р., с. Покровка, Дондюшанский р-н, Республика Молдова. 2011 г.) [ПМА].

«Поганая посуда в бане, корыто, из которого стираем. Придем из бани и умоемся чистой водой, поганое чтобы не было. Не могло быть такого, чтобы из поганой посуды кому-то пить давали» (Зап. от Акилины Федотовны Никулай, 1934 г. р., с. Черкесская Слава, уезд Тулча, Румыния. 2011 г.) [ПМА].

«Про поганую посуду, что из нее давали пить иноверам, — это заблуждение. Если где-то это и было, то не повсеместно. Да, могли сказать: “Да он нехристь, ему из поганой посуды пить!”. Это могло прозвучать» (Зап. от Семена Васильевича Придорожного, 1951 г. р., с. Кунича, Флорештский р-н, Республика Молдова. 2011 г. [ПМА]).

В связи с этим показателен случай, описанный уроженцем села Кунича Ф. С. Кауновым в его книге «Кунические дали»: «Солдат попросил попить воды. Моя бабушка, глянув на солдата, распорядилась: “Табакуру и поганому давай воду только той кружкой”, и показала на железную ржавую кружку, которой дедушка поливал цветы из корыта. Дрожавшими от страха руками я из поганого корыта понес поганую воду в поганой кружке поганому солдату» [Каунов 2006, 148—149].

В данном случае использование отдельной посуды для других выступает одним из механизмов проведения границы между своими и чужими, сохранения чистоты «своего».

Помимо этого, в жилом пространстве старообрядцев можно выделить так называемые «чистые» и «нечистые» локусы. В частности, как уже упоминалось, к «нечистым местам» относят баню. Именно представления о «нечистоте», ассоциирующейся с баней, по мнению женщин-респондентов, являются объяснением того, почему баню предпочитали строить подальше от дома: «<Соб.: А зачем они их так далеко строили?> Считали за грех, нуж-

но было, чтобы баня была вдали. Это погань, грешно. <Соб.: А зачем грешно?> Потому что приносили детей там. И, наверно, поэтому делали подальше, чтобы не было слышно, когда женщина приносит младенца... И в хате семья... а там бабка принимает, там водичка теплая. И поэтому, наверно, они и делали баньки отдала» (Зап. от Ульяны Никитичны Дмитриевой, 1942 г. р., с. Сарикей, уезд Тулча, Румыния. 2011 г.) [ПМА]¹.

С другой стороны, жители старообрядческих сел говорят о том, что «без бани грешно». Традиция каждую неделю париться в бане соблюдается старообрядцами неукоснительно. При этом, «чтобы очиститься от погани», после бани нужно умыться чистой водой. Старожилы обследованных сел не раз со смехом рассказывали о курьезных случаях, связанных с незнанием этого правила чужими людьми. Один из них мы записали в селе Кунича: «Потопили мы баню, взяли в баню этого водителя, который нам свеклу возил. Он хорошо попарился, выходит из бани — а тятя стоит с кружкой, дает ему воды на руки: “На, умойся!” А он, испуганно так, говорит: “Так я ж мылся!” А тятя и говорит: “Ну там поганая, а это чистой воды тебе даю, умойся!”» (Зап. от Александры Васильевны Донцовой, 1941 г. р., с. Кунича, Флорештский р-н, Республика Молдова. 2011 г.) [ПМА].

Наоборот, «чистотой» в народном восприятии наделялся колодец. В связи с этим старообрядцы запрещали ходить к колодцу чужим, некрещеным. «Грешно» было идти к колодцу за водой женщине до сорока дней после рождения ребенка (в это время женщина считалась нечистой).

Представления о чистоте, таким образом, являются одними из определяющих факторов в организации домашней жизни старообрядцев и восприятию ими жилого пространства.

¹ Показательно, что все респонденты-мужчины давали более рациональное объяснение отдаленного расположения бани на усадьбе: чтобы в случае пожара не загорелся дом.

В заключение подчеркнем, что для рассмотренных представлений современных старообрядцев о жилом пространстве характерно проявление ярко выраженного конфессионального компонента (в системе оберегов, в интерпретации нарушения того или иного запрета как греха, в восприятии чистоты, способах очищения, использовании христианской атрибутики в обрядовых практиках, роли молитвы и т. д.). Несмотря на заметные проявления процессов модернизации и урбанизации в обследованных поселениях, можно говорить о сохранении старообрядцами целого пласта славянских народных представлений.

При этом важно отметить, что XIX — начало XX вв. — это время, когда традиционная культура представляла собой систему, а обряды и представления были элементами этой системы. Теперь же они либо фиксируются как осколки системы традиционной культуры, либо остаются только в воспоминаниях людей [Щепанская, Шангина 2005, 6]. Приведем лишь один пример. Сегодня широко распространена (не только среди старообрядцев) практика перед отъездом «посидеть на дорожку». Однако мало людей знают о том, что «в это время домовая дает советы на дорогу» [Анфимова 2007, 78].

В целом жилище старообрядцев в настоящее время, как и традиционное жилище любой другой конфессии, подвержено десакрализации. По словам М. Элиаде, «идеальный дом современного мира должен быть прежде всего функциональным, т. е. позволять людям работать и отдыхать» [Элиаде 1994, 70]. Даже при внешнем сохранении традиции смысл ритуальных действий зачастую утрачивается. Соответственно, со временем угасает и сама традиция, чему в немалой степени способствует ориентир на «престижную» европейскую городскую культуру.

Литература

Анфимова 2007 — Анфимова А. Бывальщина: быт и народные повествования липован Буковины. Bucuresti, 2007.

Даль 1989 — Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2-х т. М., 1989. Т. 1.

Даль 2008 — Даль В. И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. М., 2008.

Дронова 2001 — Дронова Т. И. Старообрядчество на Нижней Печоре // Этнографическое обозрение. 2001. № 6. С. 33—48.

Захарченко 2007 — Захарченко Г. Н. Родильная обрядность // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Одесса, 2007. Вып. 4. С. 82—85.

Каунов 2006 — Каунов Ф. С. Куничские дали. Кишинэу, 2006.

Короленко 1953 — Короленко В. Г. Наши на Дунае // Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. Москва, 1953. URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0710.shtml (дата обращения: 11.02.2013).

Левкиевская 2002 — Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002.

Поздеева 2012 — Поздеева И. В. Неотложные задачи комплексного изучения старообрядчества // Старообрядчество Молдовы: опыт прошлого, задачи настоящего... / сост. П. А. Донцов. Кишинев, 2012. С. 123—137.

Русские простонародные праздники 1837 — Русские простонародные праздники и суеверные обряды / сост. И. М. Снегиревъ. М., 1837. Вып. 1.

Славянские древности 1999 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого: в 5 т. М., 1999. Т. 2.

Фишман 2003 — Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003.

Чеснов 1991 — Чеснов Я. В. Этнический образ // Этнознаковые функции культуры / под ред. Ю. В. Бромлея. М., 1991. С. 58—85.

Чеснов 1998 — Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии. Учебное пособие. М., 1998.

Щепанская 2003 — Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX—XX вв. М., 2003.

Щепанская, Шангина 2005 — Щепанская Т., Шангина И. Пол и народная культура // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб., 2005. С. 5—16.

Элиаде 1994 — Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Summary. *The article deals with traditional concepts of house amulets, cleanness and properties of marginal space spread among Old Believers of the Prut-Dniester Interfluve and the Lower Danube Area.*

Key words: *house, amulet, frontier, cleanness.*